

До перевода в эту школу Цзао Цинь искренне считал себя баловнем судьбы. Он любил повторять, что главный жизненный рубеж человек преодолевает еще в утробе матери. Теперь же он всерьез подозревал, что сходит с ума — причем стремительно.

С самого детства он ни в чем не знал отказа. В родных краях, среди местной элиты Клана крови, он рос подобно драгоценному камню в изысканной оправе. Куда бы он ни направился, за ним неизменно следовала свита, заискивающе величавшая его «молодым господином». Недавно семейный бизнес резко пошел в гору, и они перебрались в столицу. Роскошный престижный район, элитная частная школа — всё складывалось как нельзя лучше.

Цзао Цинь наивно полагал, что и здесь окажется в центре всеобщего внимания. Но реальность щелкнула его по носу: школа так и кишела отпрысками богачей. Ни о каком «молодом господине» никто и не слыхивал; в день перевода, если не считать учителей, на него вообще никто не обратил внимания. Избалованный мальчишка не выдержал такого пренебрежения. В первый же день он заперся в туалетной кабинке и горько проплакал целый час, поклявшись во что бы то ни стало утереть нос этим заносчивым снобам.

Большим умом Цинь не отличался и понятия не имел, с чего начать. Спасение пришло откуда не ждали. Как-то раз он заметил, что совершенно невзрачная девчонка из параллельного класса в один миг превратилась в местную знаменитость — а всё потому, что умудрилась закрутить роман с невероятно популярной девушкой. Теперь её провожали завистливыми и уважительными взглядами. Загоревшись этой идеей, Цзао Цинь в тот же вечер набросал в блокноте подробную схему:

1. Однополюсные отношения — это броско и необычно.
2. Если ты заполучишь кого-то действительно влиятельного, то и сам взлетишь на вершину.

Четко определив ориентиры, он быстро нашел идеальную мишень. Им стал Ли Чжияоэ — его старшеклассник, который, как и сам Цинь, тайно принадлежал к Клану крови. Имя этого парня не сходило с уст учеников. Богатство, внешность, безупречные манеры — в нем всё казалось идеальным. Единственным его изъяном (хотя изъяном ли?) была запредельная, пугающая холодность. Он держался особняком, презирав светскую суету, из-за чего в школе шептались, будто он закоренелый асексуал. Но этот слух лишь добавлял ему очарования недостижимости, превращая в прекрасный цветок на вершине неприступной ледяной скалы.

Но Цзао Циня это не пугало.

«Окрутить его — и я мигом стану звездой школы!»

Заручившись этой мыслью, он развил бешеную деятельность.

С одной стороны, он принялся беззастенчиво вешать лапшу на уши знакомым ребятам из Клана, уверяя, будто они с Ли Чжиюэ знакомы с самого детства и между ними давно вспыхнули нежные чувства. С другой — правдами и неправдами раздобыл номер телефона своего «возлюбленного», который, впрочем, начисто игнорировал любые сообщения.

Когда приятели начали подшучивать и требовать доказательств, Цинь пошел на преступление: стянул у Ли Чжиюэ дорогую перьевую ручку и, хвастаясь ею, объявил, что у них тайный роман. Окружение, разумеется, отнеслось к этому со скепсисом. Тогда Цзао Цинь решился на крайние меры. Стиснув зубы, он до боли ущипнул себя за ключицу, а на следующий день, густо краснея, демонстрировал всем свежий багровый след, якобы оставленный губами темпераментного старшеклассника.

От волны внезапного обожания и сплетен у Цзао Циня кружилась голова. Он буквально купался во внимании, которого так долго жаждал.

Сказка оборвалась стремительно. Не прошло и недели, как бизнес родителей затрещал по швам. Семья оказалась на грани разорения, а самого Циня спешно перевели в Сектор Б — резервацию для стипендиатов и льготников. Для изнеженных обитателей Сектора А это место было настоящим гетто, грязными трущобами.

Жизнь дала глубокую трещину. Бывшие друзья стерли его из контактов, родители, погрязшие в долгах и судах, отмахивались от его жалоб. Оставшись в полном одиночестве, Цинь плакал по ночам в подушку, чувствуя себя выброшенным на обочину жизни.

В тот день, когда он набрался смелости извиниться перед Ли Чжиюэ, небо заволокли тяжелые тучи, а воздух казался липким и душным. Старшеклассник сидел на заднем сиденье представительского лимузина. Черный строгий костюм подчеркивал его холодную, породистую beauty, а в глубине темных глаз тлел едва заметный, истинно вампирский огонек. На подбежавшего к машине Циня он удостоил лишь мимолетного, ледяного взгляда. В его багровых глазах не отразилось ни единой эмоции. Так смотрят на надоедливое насекомое или дорожную пыль.

Цинь так и застыл на месте с открытым ртом. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, подоспевшие охранники грубо оттащили его в сторону.

И вот теперь, сидя в убогой комнатухе общежития Сектора Б, Цзао Цинь всерьез полагал, что окончательно лишился рассудка. Какая-то неведомая чертовщина в его голове, назвавшаяся Системой, настырно бубнила, что весь этот мир — всего лишь очередной мир испытания на «Границе жизни и смерти». А сам он — потерявший память игрок, который по глупости принял чужую биографию за свою собственную.

Резкий, пахнувший сыростью и тиной ветер разогнал нависшие тучи, обнажив тусклый багровый диск луны. Ее зловещее медовое свечение косо ложилось на исцарапанные

деревянные доски пола. В комнате царил полумрак, разбавляемый лишь блеклым лучиком, пробивавшимся из щели под дверью ванной. В этом слабом свете едва угадывались очертания скромной обстановки общежития.

Хотя комната была рассчитана на четверых, сейчас жилой казалась лишь одна кровать, стоявшая ближе всего к душе. Под тонким одеялом угадывался миниатюрный, плотно укутанный силуэт — парень забился туда с головой, не оставив снаружи ни единой пряди волос.

Вдруг одеяло зашевелилось. Распаренный, взмокший от липкого пота Цзао Цинь не выдержал духоты и приподнял край одеяла, высунув наружу покрасневшее, заспанное лицо. Приоткрыв губы, он жадно, судорожно заглотил прохладный воздух.

Откровения таинственного голоса буквально парализовали его под одеялом на несколько минут. Избавившись от лишнего тепла, Цинь поудобнее устроился на животе, положив подбородок на сложенные ладони. Он всё еще не мог поверить в услышанное.

«Этот мир... ненастоящий?» — растерянно спросил он у внутреннего голоса.

Раньше ему доводилось слышать о диссоциативном расстройстве — когда человеческая психика, спасаясь от суровой реальности, создает вымышленную личность для защиты. Цинь подозревал, что с ним происходит то же самое. Не выдержав позора и нищеты, его мозг выдумал этот дурацкий «голос за кадром» и сказку о фальшивом мире, лишь бы избавить его от страданий.

[Цзао Цинь. Статус: особый NPC-игрок. Это твое первое задание] — бесстрастно отозвался голос.

Звучал он пугающе естественно, без намека на механические помехи, что лишь укрепляло юношу в мысли о собственном безумии. Слишком уж человеческой была эта интонация.

Цинь несильно постучал себя кулаком по лбу, но наваждение не исчезло.

Перед глазами внезапно вспыхнул полупрозрачный голубоватый экран.

[Текущее задание: Вычислить истинного вампира]

[Статус: не выполнено]

Надо же, даже интерфейс прорисован.

—... — Цинь фыркнул и капризно покачал босыми ступнями.

«В Секторе Б из Клана крови только я один! Кого я тебе здесь искать должен? Твои требования абсурдны. Если ты действительно такая всемогущая Система, сделай милость — включи какой-нибудь чит и верни меня в Сектор А. И мне не придется унижаться перед этим чистоплюем Сун Чэном».

За две недели в этой дыре Цинь извелся от тоски. Лишь пару дней назад он совершил потрясающее открытие: оказывается, даже в этом гадюшнике водилась крупная рыба, причем обитала она в его собственной комнате. Сун Чэн, его сосед, обладал внешностью безупречного книжного принца. Его мать входила в совет директоров академии, так что парень имел полное право жить в роскоши Сектора А, но по каким-то своим соображениям предпочел добровольную ссылку в Сектор Б.

Для Цзао Циня это был знак свыше. Он тут же вцепился в соседа мертвой хваткой. Разумеется, заявить о своих корыстных намерениях в лоб он не решался — Сун Чэн его бы просто высмеял. Сначала Цинь хвостиком ходил за ним, заискивающе заглядывал в глаза и совал дорогие сладости. Позже обнаглел до того, что начал кокетливо откликаться на шуточки приятелей Сун Чэна, величавших его не иначе как «невесткой». Сун Чэн тогда жутко разозлился, устроил скандал и велел держаться подальше. На пару дней Цинь притих, но вскоре вернулся к осаде, пустив в ход незамысловатый арсенал соблазнения. Он резонно рассудил: если у тебя нет денег, единственный способ заставить человека плясать под свою дудку — это влюбить его в себя.

Система хранила молчание. Цинь лениво уткнулся носом в подушку, смутно ощущая, что упускает какую-то важную деталь. Он так и не заметил, как в полумраке за его спиной возник тяжелый, сочащийся неприкрытой неприязнью силуэт.

Мешающее одеяло сползло на пол. В тусклом свете луны хрупкая фигура юноши казалась почти призрачной. На нем было надето нечто невообразимое: дешевое, кричащее шелковое платье на тонких бретельках. Одна лямка давно съехала к локтю, обнажая безупречно белое плечо, вторая едва держалась на остром ключичном выступе. Куцый подол едва прикрывал бедра, а тугой корсаж подчеркивал тонкую, гибкую талию. Мальчишка безмятежно болтал в воздухе стройными ногами, закинув ступню на ступню.

Не успел Цинь мысленно поддразнить Систему, как его запястье перехватили пальцы. Хватка была такой железной, словно кости собирались раздробить. В следующий миг его грубо вздернули вверх, заставив зависнуть в воздухе, точно нашкодившего котенка. От неожиданности из головы вымело все мысли.

Понимая, что сейчас его швырнут на жесткий пол, он инстинктивно вцепился в чужую влажную одежду. Пальцы мелко дрожали от подступившего страха.

Мужчина, ведомый брезгливостью, резко отшатнулся. Но этим движением он лишь увлек Циня за собой. Лишившись опоры под ногами, парень полетел вниз и от ужаса мертвой хваткой обвил соседа руками и ногами, прижимаясь к нему всем телом.

От Сун Чэна, только что вышедшего из душа, веяло влажным жаром. Резкий аромат лимонного мыла мешался с его естественным, едва уловимым мускусным запахом. В этой душной, полутемной комнате воздух мгновенно стал плотным и тяжелым. Оба замерли, отчетливо слыша учатившийся пульс друг друга. Сун Чэн оцепенел. Шею и торс сдавливали тонкие руки, а разгоряченная кожа соседа сквозь мокрую ткань рубашки ощущалась пугающе близко.

— Сун Чэн... — жалобно, точно умоляя о пощаде, прошептал Цинь ему прямо в ухо.

Сложно было сказать, чего в этом голосе было больше — панического испуга или обиды от того, что его отвергают. Почувствовав, как тяжело вздымается грудь парня, Цинь смекнул, что тот на пределе ярости. В этот момент пелена воспоминаний окончательно спала, и он с ужасом осознал, в какой ситуации находится. Он же... он же планировал сегодня соблазнить этого сухаря!

— Прости, — поспешно выдохнул он.

Но запоздалые извинения не помогли: Сун Чэн принял решение разжать его пальцы.

Омозолелые шершавые ладони Сун Чэна перехватили запястья Циня, лишая возможности ухватиться снова. Другой рукой он бесцеремонно схватил парня за шкуру, намереваясь швырнуть на пол. Рост соседа переваливал за метр девяносто, а силищи в нем было предостаточно. Если он приложит Циня о доски, тот точно переломает кости.

Живо представив себя на костылях, Цинь зажмурился и залепетал:

— Пожалуйста, не надо! Сун Чэн, я больше пальцем тебя не трону! Это последний раз, честное слово, клянусь!

От страха голос его звучал на редкость искренне, да и обида была вполне настоящей. Все-таки они прожили под одной крышей полмесяца, и Цинь по мере сил старался быть полезным. Неужели этот истукан действительно способен так жестоко с ним обойтись?

Сун Чэн шумно выдохнул, его широкая грудь вздымалась от гнева. Наконец он шагнул в сторону. Поняв, что его несут обратно к кровати, Цинь немного расслабил затекшие бедра, перестав судорожно сжимать бока соседа.

Сосед собирался просто сгрузить его на матрас. Когда тяжелая ладонь легла на загривок Циня, понуждая отцепиться, тот послушно разомкнул руки. Но темнота сыграла с ними злую шутку. Сун Чэн не рассчитал расстояние до ложа: старый матрас лежал косо, и у самого края под тонкой простыней скрывался голый, твердый как камень деревянный каркас.

Циня бесцеремонно опустили вниз. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, его незащищенная голень с глухим стуком врезалась в ребро деревянного бруса.

Острая, ослепляющая боль мгновенно прошла ногу. Цинь коротко вскрикнул и, потеряв равновесие, соскользнул на холодный линолеум. От болевого шока его бедра крупно задрожали.

Всё-таки ударился... Оказалось куда больнее, чем он мог вообразить. Удар пришелся прямо под коленную чашечку, где кожа тонкая, а кость почти ничем не защищена. Зажав ушибленное место руками, Цинь зажмурился. Крупные горячие слезы беззвучно покатались по его щекам, капая на обнаженные бедра. Он изо всех сил закусил губу, чтобы не разрыдаться в голос перед сожителем.

— Хватит паясничать, — ледяным тоном бросил Сун Чэн, застыв в лунном свете темным изваянием. Его обычно приятный, чистый голос сейчас казался бездушным.

Цинь терпеть не мог физическую боль, а от несправедливых обвинений обида и вовсе захлестнула его с головой. Слезы потекли с удвоенной силой. Сун Чэн, не дождавшись колкого ответа, высказал всё то, что копилось в нем с того момента, как он застал соседа на своей постели:

— Ты держишь меня за идиота, у которого мозги в ширинке? Решил прибегнуть к банальной провокации? Ни стыда, ни совести. Да будь ты хоть трижды голым — ты у меня вызываешь только рвотный рефлекс.

Слова хлестали как плеть. Цинь не видел лица соседа, но отчетливо представлял его брезгливую гримасу. На этот раз Сун Чэн превзошел сам себя в жестокости.

Вообще-то в поведении Циня была доля вины и самого Сун Чэна — тот долгое время позволял крутиться рядом, выдерживая двусмысленную дистанцию «шаг вперед, два назад». Но сегодня Цинь явно перегнул палку и наступил на больной мозоль.

— Предупреждаю в последний раз, — процедил Сун Чэн. — Если выкинешь нечто подобное еще раз, я лично вышвырну тебя за порог. Пусть тебя местные вампиры жрут.

Юноша сидел на полу, сжавшись в комок и баюкая ушибленную ногу. Угрозы соседа пролетели мимо ушей — в этот момент в его сознании вновь ожил бесстрастный голос Системы, от которого по спине пробежал холодок.

*[За последнее время в академии произошла серия таинственных преступлений. Сектор Б наводнили ужасные слухи: студентов атакуют прямо в их комнатах. Одних находят бездыханными в душевых, других — растерзанными в собственных постелях, третьих — застывшими в гримасе ужаса на лестничных пролетах]**

*[Все жертвы скончались от критической потери крови. По школе ползут слухи о затаившемся среди учеников вампире]**

*[Обезопасьте кампус. Найдите вампира]**

Спорить с разъяренным Сун Чэном было себе дороже — еще, чего доброго, поколотит. Пришлось проглотить обиду. Зато на таинственном голосе Цинь отыгрался сполна:

«Я тут собственную шкуру спасти не могу, а ты хочешь, чтобы я о других пекся? Они что, сами за себя постоять не в состоянии?»

****[...]****

«Раз уж ты такая зануда, переезжай лучше в голову к Сун Чэну. Вы с ним два сапога пара», — мысленно буркнул Цинь, сваливая надоедливую проблему с больной головы на здоровую.

Система предпочла промолчать.

<http://bllate.org/book/18271/1763085>